

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19, 21.

«О духовном содержании Руми и Шамси сложились легенды, — пишет автор на странице 291. — Мовлана оставил громадное «Месневи»... шесть томов, 25 618 бейтов текста «Месневи» — на высоте шедевров мирового поэтического творчества...

Восхищённо отзывался о «Месневи» и значении Руми последний корифей Золотого века персоязычной литературы поэт XV века Абдурахман Джамии.

*Вершину духа, шаха назови,
Довольно одного лишь «Месневи».
Что мне сказать в честь друга вдохновенный?
Хоть не пророк, но создал труд священный».*

Похвала для художника, — лучше и не представишь. И это не «восточная любезность», а истинная, заслуженная оценка.

18 бейтов «Месневи» Мовлана написал собственноручно пером. А остальные 2 500 бейтов ввнушил ему сам Аллах. И Мовлана надиктовал эти божественные откровения своему мюриду Хусамеддину Челеби, и тот записала их строка за строкой. И так сложились книги... Под влиянием инерции литературных традиций Руми писал на фарси, но до нас дошли фрагменты, хоть и в малом числе, написанные им по-турецки.

А что же Шамс? А он сотворил философский трактат в четырёх томах — «Магалат». Есть ещё «Диван», авторство которого приписывают то Руми, то Шамсу. О нём и пойдёт дальше наш рассказ.

Шамсэддин ибн Мухаммед ибн Меликкад родился в 1185 году в Тебризе и в 1247 году закончил дни своей жизни в Конье, хотя, как выясняется в конце главы, это тоже вопрос спорный. «Магалат» — его единственное крупное творение, дошедшее до нас.

«Но достаточно прочесть этот труд, чтобы ощутить масштаб его личности, его интеллекта, — пишет автор на странице 295. — При прочтении этой книги убеждаешься в глубокой осведомлённости автора в трудах мыслителей «Ихван ус-сафа», Авиценны, Гиппократы, Сократа, Платона».

Читая эти строки, просто диву даёшься тому, как в те далекие времена, когда не было печатных машинок, компьютеров и интернета, труды, созданные умом учёных мужей в одном конце света, были доступны для тех, кто жил за много тысяч километров от них. Причём доходило уже в переводе на фарси. А если учесть, что Шамс в совершенстве владел языком древне-греческих авторов, иначе просто не смог бы прочесть их философские труды, то перед ним в глубоком почтении следует склонить голову.

К большому сожалению, такого интереса к книгам, являющимся источником знаний в разных сферах человеческой жизни, мы давно уже не наблюдаем. А ведь читая книги, газеты, журналы, многие из которых сегодня переходят на онлайн, мы порой окунались в огромный в удивительный мир, созданный учёными, писателями, исследователями, расширяя горизонты своих знаний.

На странице 296 Рафаэль муаллим представляет свидетеля, хорошо знавшего и Руми, и Шамса. «Этот Афлаки (имя его означает «Небесный», умер 15 июня 1360 года) — автор трактата «Достоинства просвещённых» — главный его труд, написанный им за 36 лет. Этот трактат содержит достоверные сведения о Руми и Шамсе Тебризи, которому посвящена отдельная глава. И из этой главы мы узнаём о перипетиях судьбы Тебризи, его изречениях и высказываниях, письмах и отзывах о нём близких знавших людей. Афлаки, ссылаясь на Руми, пишет об одном любопытном наказе тебризского друга Джалалеddина: «Когда вы крепко обидитесь на кого-либо, пожелайте ему долгих лет и уйму богатства». Шамс считал истинным богатством не золото-серебро, его сокровищем были знания, духовное богатство. И об это сообщает его псевдоним «Камил».

По словам Афлаки, Шамс Тебризи «облачался в войлочную одежду, часто странствовал, жил крайне непристязно и скромно. Первоначальное годовое жалованье его составляло 1 динар. За неделю он довольствовался мясным бульоном, который ел, макая в него кусочки хлеба. Однажды, заметивший это обыкновение устада повар, из добрых побуждений добавил в бульон жирный кусок мяса. Но с того дня Шамс перестал наведываться в эту харчевню. Такое аскетическое воздержание говорит о самодисциплине и силе воли».

На странице 299 мы узнаём о том, что Шамс Тебризи обладал даром внушения, биологической энергией, магией. В подтверждение этих способностей Афлаки приводит случай, услышанный от Сираджеddина Татани: «Был разгар суровой зимы. Шамс на меджлисе просвещённых умов рсталучал крылатые перлы изречений. И тут один из слушателей высказывает мечтательную реплику: «кабы в такую жестокую стужу поглядеть на свежераскрытую розу». Шамс, услышав такие слова, выходит из комнаты и, вернувшись, кладёт перед «мечтателем» букетик роз. В ответ на изумлённую реакцию Шамс говорит: «Нет, это не любезность. Это произошло по желанию друзей, — великий Танры ниспослал этот букет свыше...»

«Шамс Тебризи и Джалалеddин Руми»,
Художник: Октав Саллиаде

Автор книги задаётся дерзким вопросом: «А, может быть, никаких таких роз и не было?» Это был гипотез. И приводит в качестве примера Шихабеддина Сухраверди, который также обладал магическим даром вызывать видения.

О другом факте из жизни Тебризи Афлаки рассказывает со слов Султана Веледа — сына Руми. Была у Шамса жена по имени Кимья, которую он обожал. Как-то видит, что Шамс в очень разочарованном состоянии устремился в сторону парка «Мерам». Джалалеddин Руми, ведший урок в медресе, поручает ученикам: «Шамс не в духе, срочно разыщите его жену Кимья ханум, она-то успокоит мудреца». И сам, опережая Шамса, спешит в его шатёр, чтобы до прихода жены друг не оставался в одиночестве. Каково же было его изумление, когда войдя, он застаёт Шамса сидящим в объятиях жены. Мовлана ретируется, чтобы не мешать, но его окликает Шамс. Вернувшись Руми видит друга одного. «А куда девалась Кимья ханум?» Шамс усмехается: «Танры так милостив ко мне, что является мне в жёлтом облаке ночью. Когда ты вошёл, Танры явился в образе моей благоверной».

«Тот же Афлаки сообщает о происшествии, от которых волосы дыбом встают», — сообщает Рафаэль муаллим на странице 302.

«Он пишет, что Шамса Тебризи именovali «Сей-фуллахом» — «мечом Аллаха». Однажды он прибыл из Кейсари в Агсарай, и войдя в какую-то мечеть, собрался там переночевать. Но до завершения намаза служитель мечети поворачивается к незнакомому пришельцу: «Поклонись мечети, найди себе другую ночлегу». Шамс просит простить его, сирого странника, ему, мол, негде найти пристанища. Служитель непреклонен. Настаивает: «Убирайся». Шамс оскорблён: «Чтобы отох твои языки!». И, уйдя из мечети, направился в сторону города Конья. А у служителя после слов Шамса начинала пунуть язык. Он задыхается. Как ни устается, как ни старается, никакого проку... Вскоре муздин отправился в мир иной».

Та же горькая участь постигла хозяйню особняка в Багдаде, из которого доносились музыка. Шамс, услышав её, решил уйти. Но хозяин приказал нукеру прогнать деришва. Нукер захватывается на странника, и тут рука его, повиснув в воздухе, отсохла.

Не избежала гнева Шамса и Кимья ханум, которая без его разрешения пошла с подругами и бабушкой Султан-Веледа в сад. Не застав дома супругу, он пришёл в такую ярость, что, помучившись три дня, она испустила дух. Афлаки сообщил и дату этого печального события — декабрь 1246 года.

«Все эти курьёзные случаи несколько лет тому назад производили бы впечатление баек, небыли. Но после ознакомления с научными наблюдениями и данными о способности слова материализовываться, о телекинетике, телепатии, не спешить скептически усмехнуться», — пишет автор на странице 303.

Так что примите это к сведению, дорогие читатели и лучше руководствуйтесь в общении с людьми другим наказом Шамса: «Когда вы крепко обидитесь на кого-либо, пожелайте ему долгих лет и уйму богатства». На странице 311 автор приводит и другое изречение Шамса из Тебриза о дружбе. «Не любите друга чрезмерно. Учти, что однажды может случиться, что ты возне-

навидишь его. И с врагом не обращай слишком груто. Может статься, однажды вы сдружитесь».

Как бы мне хотелось посоветовать эти наказы всем тем, кто стоит на грани свершения непоправимых поступков, несущих гибель и разрушения.

Были у Шамса и слабости, к примеру, он любил пить финиковую водку. Но когда кто-то осмеливался поставить их ему в вину, достойный ответ злопыхателя давал Руми: «Выйди бурдюк вина в море — моря не испортится. Но вылей каплю вина в бассейн — опоганит воду».

Шамс для него был подобен морю, Мовлана видел в своём тебризском друге вершину, для которой камни и коряги не имеют никакого значения.

Когда тот вдруг внезапно исчез из Коньи и 16 месяцев о нём не были ни слуху, ни духу, Руми одарил подарком каждого, кто приносил ему весточку о друге.

«Однажды кто-то сообщает, что видел Шамса в Дамаске. Мовлана не нашёлся, чем одарить вестника. Снял чалму с головы, пояс, разул башмаки и подарил ему. Стоявшие рядом укоряют Мовлану за опрочетившую щедрость, мол, ещё может этот человек вовсе и не видеть Шамса.

— Что же... Если за ложную весть я одарил его поясом и чалмой, то за истинную весть я бы не одеваяне подарил, а душу отдал бы ему.

Отношения друг к другу этих родственных душ — яркий образец дружбы, бескорыстной верности и братской любви», — пишет академик РГусейнов на странице 305.

А кем был Руми для Шамса? Об этой подробности нам на странице 308 поведал Афлаки, узнавший её от мюридов. «Шамс, бывало, сживал у дверей медресе, и если у него посетители спрашивали о Джалалеddине Руми, радевшего в своей келье, он, говорит, отвечал: — А что ты принёс за то, что я покажу тебе Мовлану? Некий настырный ходок взялся за: — А сам-то ты что принёс, что разыскиваешь с нас? — Я принёс самого себя, и главу свою посвятил служению ему».

Увы, жизненный путь нашего соотечественника завершился печально. Посетивший в Конье усыпальницу Шамса, автор книги, вновь задаётся вопросом: «Но там ли похоронен его прах? Трудно сказать. Возможно, что тюрбе возведена на месте, где Шамс Тебризи был убит. Но это предположение... Мо мнению турецких учёных Мехмета Нури Гияджосмана и Асима Эфенди, Шамс, вновь покинув Конью, вернулся в Дамаск, а оттуда в Тебриз, где и скончался и был похоронен на кладбище «Кядили».

«Послушаем ещё раз Афлаки», — предлагает РГусейнов на странице 309. — Султан Велед, как самое верное, поведал следующее... В один из вечеров Мовлана с Шамсом сидели вместе и сумерничали, делись печальми. Некто снаружи подает знак, чтобы Шамс вышел. Шамс был не протак, чтобы не почувствовать причину вызова, он был прозорлив и предчувствовал, что с ним может произойти.

— Меня вызывают, чтобы убить, — говорит он Мовлане.

Тот погружается в долгую думу. (Видимо, не может поверить в сказанное — РГ.)

Говорят, что семеро завистливых и подлых людей сговорились и устроили засаду. Шамс вышел, и они вонзили ему нож в грудь. Шамс взревел так, что все семеро были оглушены. Придя в себя, они не увидели ничего кроме нескольких капель крови... Это было последним чудодейством Шамса.

Но загадочные события ещё продолжают. По мере упоминания его имени, прочтения его книг Шамс вновь и вновь будет возвращаться, удивляя после смерти знавших его, а по прошествии столетий, — нас, живущих, и тех, кто придёт после нас».

На первых порах жизни в Конье тебризский мудрец снимал комнату в квартале кондитеров — «Шакарфуршан». Чтобы создать впечатление у горожан о своей состоятельности и respeitability, он вешал на дверях своей хибары дорогостоящий замок...

Но жалко, что этот дорогостоящий замок, подвешенный на его двери, до сих пор остаётся нетронутым. Руми стал Руми под его благотворным воздействием. А что предопределило свечение Шамса? Что сотворило его таковым? Пока старый замок висит на дверях, нам не узнать ответа. Надо отворить замок.

*Тьмы дьяволов с людским лицом кругом,
Тьмы людей, но дьяволы нутром.*

В качестве одного из зорких наблюдений Шамса Тебризи приводит автор книги эти строки.

«И надо бы иметь такое пронзительное зрение, чтобы различать в несметной массе похожих друг на друга созданий, исчадий ада от людей. Но снв с его дверей старый замок и войдя в его обитель, мы задумаемся над двумя загадками, неразрешимыми никогда.

Тайну — как человеку оставаться человеком, и как распознать мимикрию человекоподобных».

Средневековые авторы и конючие из века в век легенды твердят, что ни единой строчки Шамса Тебризи не сохранилось. Но ведь до нас дошла такая весомая книга — «Магалат». Она переживёт и нас, и если вы хотите причаститься к светословному Слову и волшебству, высокой мысли, вычитайтесь в эту книгу. Чтобы узнать поближе, получите своего предка!»

Подготовила Медина ГАСАНОВА.